

ԲԱՇՇԻՅԱՆ ՆԱԳ ՎԵՆՆԱԵՄ

Торговцы овощами на Armenian str.

нял позже. Когда армяне из Колкаты наняли меня присматривать за церковью. Я сначала изучил христианство, а затем и сам крестился.

Все время, что мы провели в разговоре с Джаянтом, его супруга Виджантимала обрезала кусты у надгробий. Увидев, что мы направляемся в сторону могильных плит, Виджантимала накинула край сари на голову и поспешила восвояси.

(Продолжение. Начало на стр 1)

ՔՈՒՄ ԶՅՈՒՄ ԿՈԼՈՂՈՒՄ

Armenian str. оказалась густонаселенной и зловонной. На узкой улице ни пройти, ни проехать. Ченнайские «пробки» отличаются тем, что они состоят не только из грузовых и легковых автомобилей, — нет, там есть и рикши, и коровы, и козы, и обезьяны; торговцы, расположившиеся вдоль тротуара — вернее, места, где должен проходить тротуар. В этой толкотне я пытался не только не спускать глаз со своей сумки, которую легко можно «дернуть» и скрыться с ней, но и оглядывался по сторонам, чтобы найти армянский храм конца XVIII века. К тому же большие и нищие не давали прохода. С протянутой рукой, умоляя, каждый из них дергал меня за локоть, просили хоть несколько рупий. Кому на еду, кому на лекарство. Жаль было людей. Но в Индии нельзя показывать жалость. Если кому-то дать денег и это увидят другие нищие, то сбегутся и здорово «обчистят» карманы. Индийцы могут «давить» на жалость. Даже если они живут в достатке.

Проталкиваясь сквозь толпу обрванцев, шаг за шагом, я оказался у ворот Армянской Церкви Пресвятой Девы Марии, построенной в 1712 году и реконструированной в 1772-м. Войдя на территорию храма, я словно оказался в другом измерении. На фоне пробок, шума, грязи, нищих территория храма показалась мне оазисом в пустыне. Но это был не мираж. Здесь действительно чисто, тихо, уютно, а вокруг гладко выбритая зеленая травка, кусты и пальмы. Навстречу ко мне вышел смуглый тамиль лет 50-ти. Представился Джаянтом. Сказал, что является смотрителем храма и очень обрадовался моему приходу.

— Вы армянин? Акши ума! — протянул на санскрите смотритель, сложив ладони в приветственной форме.

Кстати, «акши ума» означает то же самое, что и шըրը լըլը («ачкес луйс») по-армянски.

— Всегда рад видеть здесь армян-путников. Ведь в Ченнае не осталось ни одного армянина. Если кто и заходит в храм, то это армяне, приехавшие из-за рубежа.

— Как часто это происходит? — поинтересовался я.

— Очень редко. В этом году — вы первый. А в прошлом году два раза сюда приходили армяне и оставили запись в Книге гостей. Это была семейная пара из Румынии и один парень из России. Ваш земляк.

Надо сказать, что Джаянт оказался не просто смотрителем, но и замечательным собеседником. Он отлично разобрался в истории армян Ченнае. Слушая его, вспомнил историка-китайца, который в Малайзии, на Пенанг, красочно и в подробностях описывал мне историю становления Armenian str. на острове Пенанг и знал об армянах Малайзии

буквально все. Но даже с тем китайцем тамиль Джаянт не сравним. Хотя бы потому, что он не только владеет темой, но и делает то, чего многие армяне не делают — бережно ухаживает за армянским наследием, будучи не армянином. В этом ему помогает супруга, которая ухаживает за могилками армян на территории храма, коих здесь около 350. На старых могильных плитах — ни соринки. Только зеленые насаждения и множество тропических цветов.

Мы вошли с Джаянтом в храм, оставив у порога обувь. В Индии не принято заходить в храм обутым. В помещении довольно просторно, светло. Протягиваю несколько рупий Джаянту, чтобы приобрести свечу. Тот с удивлением посмотрел на меня.

— Вы что! Зачем? Это для вас. Тех, кто хочет помолиться, — ответил смотритель.

Да уж, вогнал меня в краску Джаянт. Храм хоть и армянский, но все не так, как в наших армянских храмах. Товарно-денежные отношения в церкви запрещены, в храм без обуви... Боже, неужели на Земле еще остались храмы, куда можно войти без денег?!

— А сами вы христианин? — поинтересовался я у Джаянта.

— Разумеется! — улыбнулся он. — И не просто христианин, а крещенный в Армянской Апостольской церкви. В этом самом храме, где мы сейчас находимся. Хотя родился я индустом. Христианство при-

— Она у меня скромница! Ей уж шестой десяток, а ведет себя как молодая. Сторонится посторонних мужчин, — улыбаясь, заметил Джаянт, добавив: — Ну что ж, пройдемте, я вам покажу надгробия.

Кто только здесь не похоронен! За усопших говорили эпитафии на плитах, написанные на армянском, английском

Храм хоть и армянский, но все не так, как в наших армянских храмах. Товарно-денежные отношения в церкви запрещены, в храм без обуви... Боже, неужели на Земле еще остались храмы, куда можно войти без денег?!

Торговцы облюбовали место и под храмом

Вадим Арутонов у храма Джаянтатха

и тамильском языках. Все захороненные — армяне. Независимо от рода деятельности. Вот Маркар, купец, скончавшийся в 1862 году, в возрасте 57 лет. А вот кузнец Вардан, умерший в 1895, и похороненный рядом со священником ... 350 надгробных плит. 350 судеб. Все они когда-то были жителями Мадраса. Теперь в этом городе нет никого из живых армян.

— Это еще не все! У нас в Ченнае есть Армянское кладбище у реки Коаум, — говорит Джаянт. — Правда, там не так много захоронений, как здесь. То кладбище новее будет. Мы с женой, время от времени, заглядываем и туда, чтобы навести порядок. Так как если запустить, то место облюбуют бездомные и бродячий скот.

Прогуливаясь между надгробиями, мы дошли до святой святой — могилы преподобного Арутюна Шмавоняна — того самого основателя, издателя и редактора первого в мире армянского журнала «Аздарар». Могила находится в тени баньянового дерева, выполнена из белого и черного мрамора, гранита и орехового дерева. На камне выбита эпитафия и годы жизни мастера — 1760–1824. А на нижней плите — раскрытый журнал «Аздарар» из мрамора и снова надпись — 1794. Дата выхода в свет журнала.